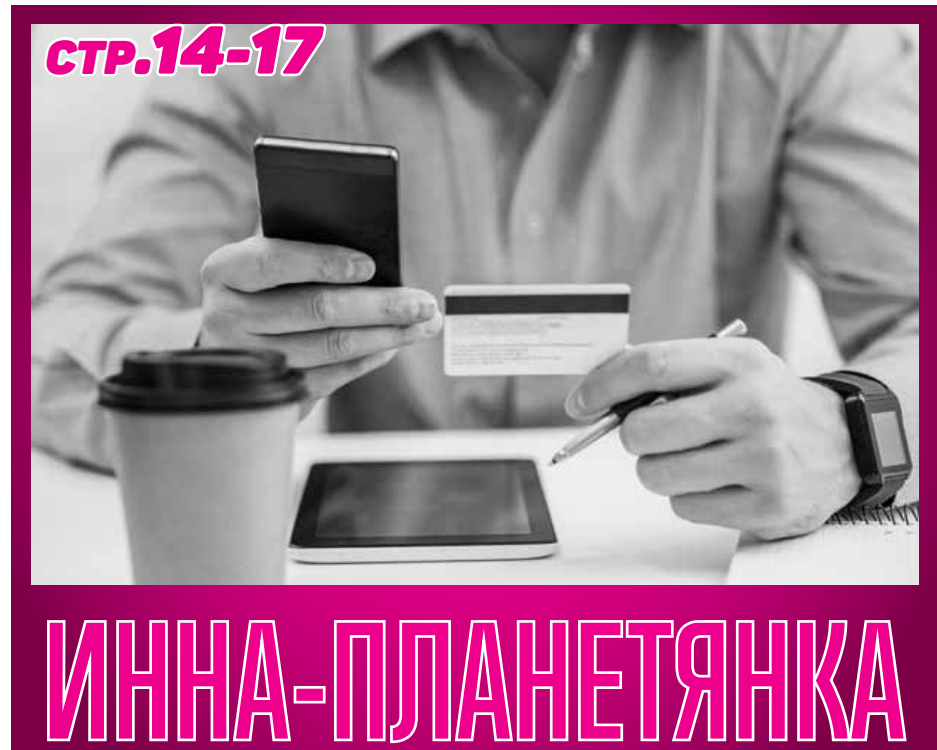

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№23 (313)
ИЮНЬ 2026

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ИННА-ПЛАНЕТЯНКА

*Мы сидим за столиком нью-йоркского кафе. Справа громко говорят о кино. Слева громко рассуждают о политике. Моя собеседница достаёт сокровища из бездонной папки с ее творческим архивом: автографы, открытки фотографии, книги, статьи из газет и журналов... Попутно она заказывает зелёный чай и поддерживает меня голливудской улыбкой. Её ослепительная красная помада — как гимн вечной женственности. Порывистая, как космический ветер, мерцающая, как звезда, парящая в своём ритме, как галактика. Последняя яркая комета на небосклоне русской культуры третьей волны эмиграции. **Инна Богачинская.***

Максим Кравчинский, фото из архива Инны Богачинской

Максим Кравчинский: — Вас называют Инна-планетянка...

Инна Богачинская: — Это с лёгкой руки Андрея Вознесенского. Он так меня назвал и так меня понял...

— Вы в Америке с ним познакомились, когда он приезжал с выступлениями?

— Нет, намного раньше. Я с ним познакомилась, когда ещё жила в Одессе. Я невероятно высоко ценила его Творчество. У меня было дикое желание познакомиться с ним. Один очень хороший, рано ушедший из жизни поэт — Володя Шлёнский сказал мне: «Я постараюсь тебя познакомить с Вознесенским». Володя взял меня на выступление Андрея Андреевича. Вознесенский был человеком без пафоса и без самолюбования. К нему можно было подойти и говорить с ним о чём угодно. Шлёнский сказал ему: «Андрей Андреевич, с Вами хочет познакомиться молодая поэтесса». Я сказала ему: «Андрей Андреевич, я не сумасшедшая поклонница, которая хочет попросить у Вас на память носовой платок. Я просто хочу сказать, что Вы — гений». Он ответил с присущим ему юмором: «Я с вами совершенно согласен». Мы обменялись телефонами. Он разрешил звонить ему и даже прислать свои стихи. Я, конечно, послала ему их.

— И как он отреагировал?

— Однажды мы ехали с ним в такси. Андрей Андреевич взял меня с собой на съёмку в Останкино. И подписал мне свою книгу. А я рассказывала ему, что в Одессе меня не печатают, потому что, как говорят редакторы газет, «в моих стихах нет социальной заострённости, что в них сплошное упадничество». Андрей Андреевич сказал: «Хорошо. Кто у вас там главный в Союзе писателей?» Одесский Союз писателей возглавлял тогда Иван Рядченко. Вообще он был хорошим человеком. И Вознесенский написал ему сле-

Андрей Вознесенский, многолетний друг и наставник

С Андреем Вознесенским после выступления в Квинс-колледже в Нью-Йорке

дующее письмо: «Дорогой Иван Иванович, очень жаль, что не могу Вам сказать это лично и прибегаю к помощи письма. У Вас в Одессе живёт и пишет интересная, на мой взгляд, поэтесса Инна Богачинская. Уверен, что и Вам нравятся её свежие стихи. Очень прошу Вас помочь ей в Вашем одесском царстве. С приветом из снежной Москвы. Андрей Вознесенский, 2 апреля 1976 г.»

— Помогло письмо Вознесенского?

— Ну, я пришла к Рядченко с этим письмом. И он мне сразу сказал: «Да, Вознесенскому нравится. А вот мне нравится Сюзен Зонтаг». Я спросила у него: «А в чём переводе?» Такой вот у нас был разговор. Рядченко, конечно, не подошло то, что Вознесенский меня принимает. Помогло только, когда меня напечатали в Москве. В те времена у нас начались очень дружеские отношения с Вознесенским. У него было особое чутье. Он почувствовал, что, во-первых, мне можно доверять, а во-вторых, что я не полная идиотка... Он рассказывал мне очень многие вещи, которые далеко не все знают. Они так и остались между им и мной.

— А как тогда складывалась Ваша, скажем так, печатная жизнь?

— Я начинала, как журналистка. У меня было очень много публикаций, особенно в газете «Вечерняя Одесса», редактором которой был знаменитый журналист Борис Деревянко, которого убили. Я как раз недавно об этом писала. С юношеских лет я говорила: «Когда я пишу, я окрыляюсь». Для меня очень много значило то, что меня печатали в газетах и в журналах. И, конечно, то, что тесно общалась с по-настоящему талантливыми людьми. И хоть у меня ничего не было за душой, я часто ездила в Москву, где в то время кипела литературная жизнь. Мне приходилось экономить на еде. Меня всё время где-то подкармливали, особенно в Центральном Доме Литераторов (ЦДЛ), откуда я практически не выходила. Мне даже выдали специальное удостоверение,

С Евгением Евтушенко

С Андреем Дементьевым

Инна-планетянка — так называл ее Андрей Вознесенский

чтобы я могла туда ходить. В Одессе печатали только мои статьи, но не стихи. Мне говорили, что в них нет социальной направленности. А в Москве меня принимали поэты — Вы себе не представляете как! В ЦДЛ собирались, читали стихи, общались великие Поэты. И они меня пропустили в свой круг. Так я познакомилась с Беллой Ахмадулиной. Потом писала о ней и вообще мы очень подружились. То же произошло и с Евтушенко, с Олесей Николаевой, дочкой поэта Николаева. Не воможно перечислить всех. Они считали, что мои стихи нужно напечатать в Москве. И вот журнал «Огонёк» напечатал их в первом номере за 1977 г. в подборке «Стихи молодых поэтов». Когда об этом узнали в Одессе, мне тут же стали звонить из разных редакций газет. Один главный редактор спросил: «А почему ты стихи не принесла для публикации?» Я говорю: «Они у вас лежат уже полгода или больше. Вы мне сказали, что не будете их печатать». После публикации в «Огоньке» все вдруг захотели меня печатать. Раньше не дотягивала, была для них слишком не «такая», как остальные поэты. А после этой публикации всё сразу изменилось...

— Не было ли у Вас мысли перебраться в Москву?

— Да, это была моя идея-фикс. Я буквально была заиклена на этом: переехать в Москву!!! Я готова была жить как угодно и где угодно. Когда я приезжала в Москву, останавливалась у разных поэтов. Например, талантливый поэт Евгений Рейн разрешил мне пожить в малюсенькой квартире, которой он владел. Сам он жил в другом месте. Кто-то меня вечно подкармливал. Мне пытались помочь и Ахмадулина, и Вознесенский и другие звёздные представители творческой интеллигенции. Оставалось только одно — брак. Все мне начали искать «жениха». У меня знакомые таких категорий, что трудно себе представить. Они нашли для меня одного парня (кажется, его звали Володя). Он играл в Театре киноактёра. Я год собирала деньги, чтоб оплатить ему за наш брак. Приехала и заплатила ему. Но на третий день он пропил все деньги. Позвонил мне в гостиницу и сказал: «Ты — моя жена. И я имею право к тебе прийти». Так я получила разрешение на обмен квартиры в Одессе на квартиру в Москве. Квартиру найти было очень сложно. Но как только я вернулась в Одессу и начала заниматься обменом квартиры, мне встретился человек, который через короткое время стал моим третьим мужем. У него были проблемы с руководящими лицами, его вызывали в КГБ. А посему у нас дома стал звучать один мотив: надо эмигрировать.

— То есть в итоге у вас встал вопрос об эмиграции?

— Да, на арене нашей жизни стала звучать такая тема. Я уезжала страшно тяжело. У меня ведь был огромный твор-

Максим Кравчинский и Инна Богачинская с автошаржем Андрея Вознесенского, подаренным Инне

С Зоей Богуславской, мужем Григорием и Андреем Вознесенским в Москве

С Андреем Вознесенским и его последней книгой

С Беллой Ахмадулиной

ческий багаж: всё, что было напечатано в разных изданиях. И ещё была моя книга, которую оформил Олег Соколов — великий, потрясающий одесский художник. Я, конечно, всё взяла с собой. У меня были чемоданы, полные книг.

Все уезжавшие тащили чемоданы, чтоб там продавать. А у меня были только мои публикации. И что они нам сделали? Просто ужас: на таможне вскрыли чемоданы и увидели мой архив. «Что это такое?» — спросили меня. Отвечаю: «Это мои публикации». Ответ был, как нож в сердце: «Вы не имеете права это взять!» Отвечаю: «Как я не имею права это взять? Это опубликовано в советских газетах, а не в иностранной прессе. Это то, что написано мной. Это — мой труд. Это — моя жизнь». Мне ответили: «Нет, мы это забираем». Я там такое кричала, вы себе не представляете, что было. Что они сделали? Они надели на меня наручники и забрали меня. Остались моя мама. Мой ребёнок, мой бывший муж. Они думали, что мы уже больше не увидимся. Эти «большие» правители сказали, что я должна была получить разрешение на вывоз моих публикаций.

Я ведь училась в Одессе в английской школе. И у меня был один школьный друг, который работал в Министерстве иностранных дел. И я помчалась туда, чтобы встретиться с ним и попросить помощи. Конечно же, в тот день его на работе не было. Меня принял другой сотрудник Министерства, который сказал мне: «Я всё понимаю, разделяю, сочувствую. Но против таможни мы ничего не можем сделать».

Возвращаюсь обратно. Меня забирают куда-то и ведут. Мне сказали: «Мы сейчас приведём человека, который скажет, можно ли вам вывезти свои публикации». Выходит из кабинета одно такое что-то, что вообще вряд ли умеет читать. Идёт за кафедру, открывает мою первую книгу на странице, где напечатаны мои стихи «Размышление о счастье». Это белый стих. И начинает читать моё стихотворение. Там есть такие слова: «Заходишь в захудалую пирожковую, берёшь пирожок за 2 копейки. И чувствуешь в своей душе игру непостижимых сил, как будто обед твой состоял из целого ассортимента деликатесов...» И это оно мне говорит: «Вы считаете, что это не антисоветские стихи: «заходишь в захудалую пирожковую»? Что со мной было, вы не представляете. Я жила творчеством, этими публикациями. А они всё забрали. Это был кошмар! Моя мама и муж боялись, что я накричу на них и скажу что-то такое, что меня запрячут за решётку. Но им позволили из Министерства иностранных дел, куда я ходила, и они меня отпустили.

— Вы приехали в Америку и в прямом смысле всё начинали с чистого листа.

— Да, но, слава Богу, я познакомилась в Одессе с двумя американскими

На Новодевичьем кладбище у могилы Андрея Вознесенского в Москве

С Зоей Богуславской и мужем Григорием

Окончание. Начало на с. 14

профессорами. Мы поддерживали с ними дружеские отношения много лет, до их ухода из жизни. И, ещё находясь в Одессе, я отправляла им свои публикации. Когда я уезжала в Америку, не была уверена, дошли ли все мои пересылки или нет. К счастью, всё дошло, за исключением моей книги, которую оформил талантливейший, великий художник из Одессы Олег Соколов.

— Это помогло Вам найти свою первую работу в газете «Новое Русское Слово»?

— Да, думаю, что это так. Ведь газета всю жизнь для меня была как alma mater. А в Америке газета «Новое русское слово» вообще безудержно притягивала. И я пришла туда. Меня познакомили с главным редактором Яковом Мойсеевичем Седых.

— Вы сразу встретились с Яковом Мойсеевичем?

— Да, он сразу меня принял.

— До него было просто добраться?

— Нет, до него было далеко не просто добраться. Но он сразу меня почувствовал. И когда я ему показала свои стихи, он сказал: «Вот это идёт в набор моментально». Ему очень нравилось со мной общаться. И он приглашал меня почаще приходить в редакцию. В газете же я далеко не всеми была принята.

— Какое впечатление производил Седых? Всё-таки он — легенда эмиграции. Секретарь Бунина.

— Маленький, почти гном. Он производил впечатление, когда он писал. А так... Жена его — Женечка, как он её называл — на всё закрывала глаза. А он очень это всё любил. Там работали люди из старой эмиграции. Очень враждебно относились ко мне. Считали, что я забираю чужое место, т.к. я закончила английскую школу и английский факультет Одесского университета. И я решила пойти на курсы, чтобы научиться печатать. Когда я их закончила, то могла печатать 100 слов в минуту. Мне стали предлагать работу. Одна из них была в большом издательстве. Я позвонила Якову Мойсеевичу и спросила его, советует ли он мне идти работать в это издательство. А он набросился на меня: «Как? Я всё время ждал вас, пока вы закончите эти курсы, чтобы взять вас на работу в «Новое русское слово»! А вы ищите работу в других местах!» Я говорю: «Вы же мне ничего не говорили». Я не могла себе представить, что Седых предложит мне работу в газете. Для меня это было недостижимой мечтой. Я, конечно, приняла его предложение и вышла на работу в редакцию газеты. И сразу окунулась в кошмар, который царил там. И тут же на меня стала выливаться неприкрытая враждебность от сотрудников первой и второй волн эмиграции. Они брали из газет американские материалы, переводили их и печатали в «Новом русском слове». Переводы были жуткие. Например: вместо «атомные боеголовки», они писали «нуклеарные бомбовозы».

— Это старая эмиграция так переводила?

— Да. У меня дома был «бесценный» архив, в котором есть специальная тетрадь с записями. Это было что-то!!! Конечно, они испытывали дикую вражду к советской власти. Это понятно. Но за что они проявляли враждебность ко мне и к другим эмигрантам третьей волны??? Они не могли простить мне, что меня печатали. Наговаривали на меня. Делали всякие жуткие вещи. И в итоге закончилось моё существование в этой газете. Очень был неприятный опыт.

Но я особь философская и знаю, что если одна сторона очень плохая, то другая должна быть очень хорошей. Можно сказать, что работая в этой газете, я получила визу на общение с творческими людьми.

— А как Вы начали работать в Рокфеллеровском Университете?

— Туда было очень трудно попасть. Я даже не думала, что мне это удастся. В Университете работали профессора высочайшего уровня. Меня интервьюировал очень весомый профессор, заведующий лабораторией. Он начал со мной разговаривать на всевозможные темы. Мы поговорили с ним о многом. А потом он спросил меня: «Как у вас отношения с компьютером?» Отвечаю: «Я не имею понятия, как с ним работать». Обычно все эмигранты, которые искали здесь работу, со смехом рассказывали, кем они представлялись на интервью, чтобы получить работу. Все были директорами школ, главными врачами, главными

инженерами и т.д. А я всё говорила как есть. Интервьюирующий меня профессор спросил: «Вы можете приступить к работе?» Отвечаю: «Нет, не могу». «Почему?» — спрашивает меня профессор. Я ответила: «Я не смогу изучить компьютер». Он говорит: «Вы что недостаточно умны?» Отвечаю: «Я не особенно жалуюсь на то, что недостаточно умна. Но я — максималистка. И не привыкла делать работу, не зная её досконально». Профессор не мог представить, что я отказываюсь от работы в таком престижном Университете. Попасть в Рокфеллеровский Университет могли избранные из избранных. Он сказал: «Я понимаю, вам, наверное, недостаточно зарплаты». А я говорю ему, что и компьютер не изучу, и что не могу делать ещё много разных вещей. В газете у меня вообще была маленькая зарплата: сначала 150 долларов в неделю, а когда я ушла из редакции, то было уже 195 долларов. А профессор Рокфеллеровского Университета сразу дал мне 275 долларов. И сказал, что если я поработаю месяц и всё будет в порядке, то я буду получать 300 долларов в неделю. Тогда это были большие деньги. Он попросил одного сотрудника (американца), чтобы тот научил меня пользоваться компьютером. Я не могла представить, что за неделю я смогу работать на компьютере. Но именно так и произошло.

— Что было самым запоминающимся в Рокфеллеровском периоде Вашей жизни?

— Рокфеллеровский Университет — одно из самых знаковых мест. Президентом Университета может быть толь-

С издателем и коллекционером Владимиром Андреевым и телеведущей Валентиной Печориной

Первая книга стихов Инны Богачинской

ко Нобелевский лауреат. А какого высокого уровня люди там работали! На Новый год и на Рождество там устраивали потрясающие вечера. На выпускном вечере выступал Рокфеллер. Он выходил на кафедру и без всякой бумажки, с душевностью и теплотой произносил свою речь, обращаясь к выпускникам. Честно говоря, я просто онемела. Была под таким впечатлением, что решила написать Рокфеллеру письмо. Изложила всё, как есть: я недавно приехала из СССР, где все вас считали акулой капитализма, что все боялись, что вы будете баллотироваться в Президенты США и т.д. И что я была потрясена вашим выступлением на выпускном вечере. Потом я узнала адрес Рокфеллера, который жил близко от Университета и отнесла ему своё письмо. Через пару дней мне позвонил домовой вице-президент Университета и сказал: «Инна, с вами хочет встретиться Рокфеллер». Потом позвонила ещё одна женщина, занимающая высокий пост в Университете, и стала разговаривать о том, как лучше устроить нашу с ним встречу. Я ей говорю: «Я не знаю, что мне одеть. Мы только недавно приехали в Нью-Йорк. У меня очень мало вещей». Эта женщина меня успокоила: «Все, что вы должны сделать — быть самой собой. Этого достаточно. Вас уже признали, поняли и оценили». А мой босс начал наводить порядок в лаборатории. Он даже не сказал сотрудникам этой научной лаборатории, что к нам придёт Рокфеллер, чтобы они не были ошарашены. А сам он даже одел галстук, который никогда раньше не носил. В среду в 2 часа дня должен был прийти Рокфеллер. Без десяти минут 2 раздаётся звонок по телефону. Его ассистент сказала: «Рокфеллер может немного задержаться». Но всё-таки ровно в 2 часа приехал, как договорился раньше. Он пришёл с вице-президентом Университета и со своим ассистентом. Первое, что он мне сказал: «Вы также хорошо выглядите, как и пишете». Мы говорили о том, как важно, чтобы не было войны. И про то, что он недавно вернулся из Советского Союза. Присутствующие стояли, не дыша, как будто их не было: и вице-президент Университета, и мой покойный босс — профессор, и остальные. Конечно, встреча была незабываемая. Потом мы обменивались с Рокфеллером поздравительными открытками на Рождество и на Новый год. У него были особые открытки, сделанные на заказ, с его подписью. У меня остались некоторые из них. Кстати, с моей подачи Андрей Вознесенский тоже встречался с Рокфеллером. И приходил ко мне в Университет. К нему очень хорошо там стали относиться.

— А как Вознесенский отнёсся к известию о Вашей эмиграции?

— Он мне написал: «Нью-Йорк — лучший город в мире, если бы не было такой земли как Москва». Мы с ним не потеряли связь. Он мне писал, если куда-то уезжал, в какие-то страны. Присылал газеты со своими публикациями. Часто звонил ночью.

— Вы много лет близко дружили с ним и с его женой писательницей Зоей Богуславской. У вас дома можно сказать музей Вознесенского.

— Да, отношения с Вознесенским занимают особое, исключительное место в моей жизни. Мы доверяли друг другу то, что не разделяли ни с кем. Я стала организатором выступлений Андрея Андреевича в Америке. Самое знаковое его выступление было в Белом Доме в Вашингтоне. Я практически занималась организационными вопросами день и ночь. Мои сотрудники в Рокфеллеровском Университете были в трансе, т.к. мне звонили самые высокопоставленные люди. Один, например, был из семейства Кеннеди. Мой босс не просто отпустил меня в поездку в Вашингтон, но попросил, чтобы я сделала и ему приглашение на это выступление. Ан-

дрей Андреевич, конечно, согласился и сделал приглашение и моему боссу.

— Выступление Вознесенского было в знаменитом театре Форда?

— Да. Андрей Андреевич очень волновался. В машине, когда мы его везли туда, он готовил то, что будет читать. А утром в день выступления он сказал мне: «Я тут стишок написал про театр. Ты его можешь перевести на английский?» Я ответила, что не смогу, не успею. Но он заверил меня: «Ты сможешь». И хоть у меня было дикое напряжение, я всё-таки перевела его стихотворение. Зал был полный. Незабываемое впечатление. Потрясающая публика — сливки общества. Вознесенского в Вашингтоне очень любили и ценили. Был эпизод, когда он с Жаклин Кеннеди решили пойти в музей. Всех посетителей попросили выйти из музея, когда их увидели. Для Вознесенского это был знаковый эпизод. В музее остались только он и Жаклин, а также экскурсоводы.

— Как здорово! А Вознесенский свободно говорил по-английски?

— Да, он говорил хорошо по-английски.

— Я вижу у Вас масса книг с его автографами. И на одной — такая хорошая надпись: «Очень нежно». Как у Высоцкого было: «Добра!» Так у Вознесенского «Очень нежно».

— Он так всегда подписывал мне. А я старалась записывать за ним то, что он говорил. Он очень быстро разговаривал. А я хотела, чтоб всё было точно. Видите, вот это мои записи. Кстати, он очень любил нью-йоркский отель Челси. Говорил, что поэт не должен жить в фешенебельных отелях.

— А на этом листе, похоже, что он о Вас написал.

— Да, это Андрей Андреевич написал о моих стихах, зная, что некоторые издания не хотели печатать мои стихи. Вот что он написал: «Я не нахожу подражательства в ваших стихах, конечно, вас не принимают, но вам лучше должно быть тем, что вы не следуете общей массе, вы одна, у вас авангардный стиль, но ваше время придет очень скоро, и здесь у вас в этом отношении нет соперников». Вы понимаете, как это ценно для меня!! Вообще у меня столько уникальных материалов о Вознесенском. Увы, кто сейчас всем этим интересуется? Статьи американские, его пометки, открытки, его расписание... Это жизнь, которая пролетела. К сожалению, всё это пропадёт, как будто ничего не было. Меня потрясает то, что многие из Москвы и из других городов вообще не знают, кто такой Вознесенский!!! Когда-то шла речь о том, чтобы сделать в Нью-Йорке музей Вознесенского. Но, увы, так ничего здесь и не сделали...

— Можно, наверное, передать эти материалы в литературный архив...

— Я передала разные экспонаты Зое Богуславской, по её просьбе. Она заслуживает самых высоких слов за то, сколько она всё время делала, чтобы увековечить память о Вознесенском. У меня есть приглашение от Зои за 2014 г. приехать на мероприятия, посвящённые годовщине смерти великого поэта.

Кстати, хочу поведать Вам ещё один знаковый эпизод из его жизни. Однажды Вознесенский был где-то на гастролях далеко в России. Потом в аэропорту ждал самолёта в ресторане. Вокруг него собрался народ. Все разговаривали и не услышали, как объявили о том, что самолёт вылетает. Андрей Андреевич очень расстроился, что пропустил свой рейс. Не ведал, что ему делать. А вскоре оказалось, что самолёт, который он пропустил, разбился!

— Я по архиву вижу, какая у вас была связь необыкновенная. Вы были его Ангелом-хранителем, а не просто другом?..

— Он, кстати, говорил нечто подобное. Мы обычно живём в состоянии ожидания чуда. Зачастую мы его пропускаем, не понимая, что нужно смотреть в корень и видеть, где Истинное Чудо. Мои отношения с Вознесенским можно без преувеличения назвать Чудом.

P.S. Когда этот материал готовился к публикации, пришла горькая весть: 14 мая на 102 году жизни скончалась Зоя Богуславская. Светлая память...

Инна Богачинская и Максим Кравчинский после записи интервью. Нью-Йорк, 2026